Институты Конфуция как инструмент мягкой силы КНР в Центральной Азии

Чжу Юйтянь
аспирант, международные отношения, факультет истории-политической науки, Национальный исследовательский Томский государственный университет, IRzyt061@163.com,

Троицкий Евгений Флорентьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета, Томский государственный университет, eft@rambler.ru

В статье рассматривается деятельность Институтов Конфуция как одного из ключевых инструментов «мягкой силы» Китая в Центральной Азии. Исследование сосредоточено на анализе масштабов и динамики расширения сети данных институтов в регионе, а также на реакции российского экспертного и политического сообщества на усиление китайского культурно-образовательного присутствия. Отдельное внимание уделяется процессам «дерусификации», затрагивающим гуманитарное и образовательное пространство Центральной Азии, и их связи с институциональной экспансией Китая. Анализ показывает, что данная экспансия носит не случайный, а структурный характер и обусловлена долгосрочными геополитическими и стратегическими интересами КНР. В связи с этим ставится вопрос о необходимости выработки Россией комплексных мер по сохранению собственного гуманитарного, образовательного и культурного присутствия в регионе.
Ключевые слова: Институт Конфуция, Китай, мягкая сила, Центральная Азия, Россия.

Концепция «мягкой силы» была впервые выдвинута известным американским политологом Джозефом Сэмюэлем Наем-младшим, который определил её как способность добиваться желаемых результатов в международных отношениях не за счёт принуждения или материального стимулирования, а посредством культурной привлекательности, идеологической притягательности и институциональной ассимиляции [1]. С момента своего появления эта концепция заняла важное место в теоретическом арсенале исследований международных отношений, став одним из ключевых инструментов анализа внешнеполитических стратегий различных государств.

В последние годы китайская инициатива «Один пояс, один путь» всё чаще интерпретируется зарубежными исследователями как инструмент внешнеполитического влияния, направленный на расширение политического и экономического присутствия Китая через масштабные инфраструктурные инвестиции и льготные кредиты странам-участницам. Отмечается, что она превратилась в ключевой механизм реализации государственной стратегии КПК, что свидетельствует о восприятии данной инициативы не столько как платформы международного сотрудничества, сколько как инструмента стратегического влияния [2]. Внешнеполитический курс Китая традиционно ассоциируется с активным использованием как жёсткой, так и мягкой силы: если жёсткая сила проявляется в наращивании военного потенциала и экономическом давлении, то дипломатия «мягкой силы» нацелена на распространение китайской культуры, формирование положительного имиджа страны и расширение круга дружественных стран за счёт привлекательности, а не принуждения. Особое место здесь занимают институциональные механизмы культурного присутствия, среди которых ключевым инструментом выступает Институт Конфуция [3].

Основанный в 2004 году для продвижения китайского языка и культуры за рубежом, Институт Конфуция первоначально развивался традиционно в странах Европы и США, где его деятельность воспринималась в основном через призму образовательной инициативы. Однако с запуском инициативы «Один пояс, один путь» география проекта претерпела изменения: центры стали открываться в центральную Азию, причём особенно активное развитие они получили в Казахстане и Кыргызстане. Сегодня сеть институтов в наших странах изучает несколько критериев, включая сами институты и дочерние учреждения, которые значительно рассчитывают показатели многих европейских государств. Такая динамика неизбежно привлекала внимание, поскольку темпы и масштабы расширения в отношениях между странами оказываются несоизмеримыми с изначально заявленными сугубо формирующими государствами.

В международном дискурсе деятельность Институтов Конфуция нередко интерпретируется как один из ключевых элементов стратегии мягкой силы Пекина. Западные аналитики и политики неоднократно указывали на возможную связь между культурными центрами и внешнеполитическими приоритетами Китая, что вызывало споры о степени их автономности. Китайская сторона, в свою очередь, неизменно подчёркивает, что задача институтов — исключительно содействие межкультурному обмену и взаимопониманию. Однако с точки зрения российских академических кругов, стремительное расширение присутствия Институтов Конфуция в Центральной Азии выходит за рамки культурной дипломатии и носит ярко выраженный геополитический характер. Многие эксперты обращают внимание на синхронность открытия новых центров с ключевыми инфраструктурными проектами «Одного пояса, одного пути», что позволяет говорить о системном подходе Китая к укреплению своего влияния в регионе. С учётом исторически сложившегося доминирования России в образовательной и культурной сферах Центральной Азии закономерно возникает вопрос о том, не меняется ли под воздействием китайской политики привычная конфигурация партнёрских связей.

В данной работе используется комплексный исследовательский подход, основанный на сочетании качественных и количественных методов анализа, что позволяет обеспечить многоаспектность рассмотрения проблемы и перекрёстную верификацию получаемых данных. Количественная составляющая предполагает детальный анализ распределения институтов Конфуция в странах Централь-

ной Азии, включая их географическую локализацию, динамику открытия, институциональную базу функционирования, а также масштабы распространения китайского языка в регионе. Качественный компонент фокусируется на теоретической интерпретации концепции «мягкой силы» применительно к образовательной дипломатии, а также на критической оценке практической деятельности институтов Конфуция с точки зрения их целей, инструментария и восприятия региональными акторами. Это позволяет не только проанализировать механизмы культурного присутствия Китая, но и выявить характер реакции со стороны России, а также возможные направления её ответных шагов в контексте сохранения собственного культурно-образовательного влияния в регионе. В качестве дополнительного аналитического инструмента применяется сравнительный анализ, в рамках которого сопоставляются модели функционирования китайского и русского языков в Центральной Азии, включая институциональные формы поддержки, масштабы присутствия в образовательных системах стран региона, а также стратегии языкового продвижения, реализуемые Китаем и Россией.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные и ежегодные отчёты с официального сайта Института Конфуция, что позволяет проследить динамику роста сети этих учреждений в Центральной Азии. Дополнительно привлекаются материалы китайских, российских и центральноазиатских СМИ, включая официальные сообщения и аналитические публикации, что даёт возможность реконструировать дискурсивные рамки восприятия данной инициативы. Также проанализированы публикации китайских и российских исследователей по вопросам концептуализации «мягкой силы» в внешней политике КНР, продвижения китайского языка за рубежом и образовательного сотрудничества в Центральной Азии. В результате контент-анализа выявлено восприятие экспертными сообществами деятельности Институтов Конфуция и её влияния на сотрудничество стран региона с Россией [4, 5].

Китайское правительство надеется через проект Институтов Конфуция построить гармоничные внешние отношения, повысить привлекательность китайской культуры в Центральной Азии и укрепить политическое сотрудничество с другими странами [6, 7]. Эта точка зрения была подтверждена на шестом пленуме ЦК КПК семнадцатого созыва [8]. К концу 2014 года руководители партии и правительства, включая Си Цзиньпина, неоднократно посещали мероприятия Институтов Конфуция, подчёркивая необходимость их всестороннего развития, поскольку «укрепление мягкой силы является неотъемлемой частью достижения стратегических целей Китая».

Центральная Азия традиционно рассматривается как важнейшая часть русскоязычного мира, где исторически сложились устойчивые языковые и образовательные практики, опиравшиеся на русский язык как язык межнационального общения и академической коммуникации [9]. В отличие от прежней модели продвижения русского языка, осуществлявшейся преимущественно через двусторонние образовательные обмены и традиционные каналы культурной дипломатии, развитие китайского языка через сеть Институтов Конфуция демонстрирует как высокие темпы институционального расширения, так и глубину социокультурного укоренения. Китайская сторона использует специфические культурные символы и унифицированные образовательные стандарты, что обеспечивает системность языковой подготовки и формирует долгосрочную лояльность к китайскому культурному контексту. Продвижение китайского языка через систему Институтов Конфуция ощутимо воздействует на статус русского языка в Центральной Азии, особенно в условиях усиливающейся «дерусификации». Как отмечается в литературе, с начала 2000-х годов активизировалась образовательная политика Китая в регионе: в Узбекистане и Казахстане открываются Центры китайского языка, и знание китайского становится всё более популярным и престижным [10]. Эта динамика свидетельствует о том, что китайский язык начинает занимать нишу, ранее почти безраздельно принадлежавшую русскому как языку социального лифта и академической мобильности. Благодаря продвижению «Одного пояса, одного пути» и углублению китайско-казахстанского сотрудничества перспективы трудоустройства студентов, изучающих китайский, становятся всё более устойчивыми и диверсифицированными [11]. Спрос на специалистов со знанием китайского в логистике, торговле, энергетике и трансграничных инвестициях побуждает местных студентов отдавать ему приоритет перед другими иностранными языками. Вместе с тем китайский язык остаётся сложным и трудоёмким для освоения, что формирует естественный механизм селекции: высокий порог вхождения ограничивает приток обучающихся, но одновременно способствует отбору наиболее устойчивых к когнитивным нагрузкам. В результате за рамками учебной аудитории остаются лица, не соответствующие китайскому образу мышления, а в системе закрепляются профессионалы, прошедшие полный курс и усвоившие транслируемые через язык мыслительные схемы.

А более глубинное воздействие заключается в том, что организационно-педагогическая модель Институтов Конфуция постепенно меняет ожидания центральноазиатских обществ в отношении целей и форматов образовательного сотрудничества. В отличие от русского языка, опирающегося на межличностную коммуникацию и не всегда подкреплённого сопоставимыми ресурсами, Институты Конфуция предлагают системную учебную программу, унифицированные стандарты оценки и чёткие карьерные траектории. Это актуализирует необходимость переосмысления российских стратегий продвижения культуры и русского языка в Центральной Азии, поскольку прежние подходы оказываются недостаточно гибкими в конкурентной среде, где образовательная политика всё теснее увязывается с экономическими интересами и долгосрочным институциональным планированием.

Стратегическое расширение Институтов Конфуция в Центральной Азии — не только культурно-образовательный феномен, но и индикатор нарастающего экономического и политического присутствия Китая в регионе, оказывающего структурное давление на традиционное российское влияние. В научной литературе подчёркивается, что масштаб китайского культурного присутствия свидетельствует о переходе от разовых гуманитарных проектов к долгосрочной стратегии институционального закрепления. Российская сторона демонстрирует неоднозначное отношение к этому процессу: официальная Москва публично приветствует многовекторную дипломатию государств Центральной Азии, включая углубление сотрудничества с Китаем, однако в экспертном и политическом дискурсе прослеживается стратегическая озабоченность усилением китайского культурного влияния как потенциального вызова российским позициям. Такая двойственность отражает необходимость балансировать между поддержкой региональных партнёров и стремлением сохранить собственное доминирование в сферах безопасности, интеграции и культурного присутствия.

Эта обеспокоенность обусловлена двумя опасениями. Во-первых, в российском экспертном сообществе существует устойчивое опасение, что углубление связей между Центральной Азией и Китаем может ослабить позиции России как традиционно ведущего партнёра в регионе. С 2023 года, на фоне соперничества США и России, влияние Китая приобретает дополнительный вес [12, 13], а его институциональное присутствие воспринимается как фактор долгосрочной перестройки регионального баланса сил. Во-вторых, российские аналитики тревожатся по поводу снижения привлекательности ЕАЭС: Китай в рамках «Одного пояса, одного пути» и сопряжённых механизмов, включая Институты Конфуция, предлагает региону более комплексные и ресурсно обеспеченные форматы сотрудничества. Это определяет и отношение Москвы к расширению Институтов Конфуция в Центральной Азии.

Столкнувшись с расширением влияния Китая, Россия инициировала ответные меры: увеличение финансирования программ на русском языке, расширение сети его преподавания и партнёрство с местными образовательными учреждениями. Однако в сравнении с системной деятельностью Института Конфуция российские инициативы выглядят фрагментарными, а отсутствие единой стратегии снижает эффективность усилий в сфере «мягкой силы» [9]. Россия задействует и многосторонние механизмы: второй саммит «Центральная Азия – Россия» в Душанбе в октябре 2025 года был посвящён экономическому взаимодействию и проблемам безопасности, с акцентом на синергию в рамках СНГ. Тем не менее российские инициативы зачастую носят реактивный характер и уступают китайским по вовлечённости в экономику региона. В сфере образовательных обменов Россия расширила программы стипендий, однако ограниченные возможности трудоустройства выпускников снижают привлекательность российского образования.

Сеть Институтов Конфуция в Центральной Азии представляет собой тщательно разработанную модель применения «мягкой силы» китайским правительством [14, 15]. По сути, это стратегический инструмент Китая для расширения своего регионального влияния и формирования дружественной международной обстановки. Хотя влияние китайского языка в Центральной Азии значительно

уступает русскому или даже английскому, с точки зрения национальных интересов России этот механизм действительно представляет определенную угрозу традиционным позициям России в Центральной Азии.

Возвращаясь к исследовательскому вопросу, сформулированному в начале данной работы, и обобщая результаты анализа процессов глубокой экспансии институтов Конфуция в странах Центральной Азии, а также их долгосрочных социальных и гуманитарных последствий, можно с достаточной степенью уверенности заключить, что институты Конфуция представляют собой не просто элемент культурного обмена, а вполне реальный и стратегически значимый вызов сложившемуся статусу России в регионе. Данный вызов затрагивает прежде всего позиции России как ключевого — и на протяжении долгого времени безальтернативного — партнера центральноазиатских государств в сферах образования, языковой политики и академической мобильности [16]. При этом проблемная ситуация не ограничивается сугубо конкурентной динамикой в области преподавания русского и китайского языков; она проявляется также в более глубоких измерениях, а именно — в инновационных подходах Китая к выстраиванию межвузовского сотрудничества, в гибкости образовательных моделей, адаптированных к местным условиям, и в формировании устойчивых каналов воспроизводства прокитайски ориентированных элит. Указанные тенденции, взятые в совокупности, свидетельствуют о смене образовательной парадигмы в регионе, где традиционные инструменты российского гуманитарного присутствия сталкиваются с необходимостью адаптации к новым конкурентным условиям. В ответ на складывающуюся конфигурацию вызовов, требующих не столько конфронтационного противостояния, сколько тонкого и стратегически выверенного реагирования, Россия способна более эффективно отстаивать свои долгосрочные интересы в Центральной Азии, избегая при этом прямой конфронтации с китайскими образовательными и культурными инициативами. Такая стратегия предполагает, во-первых, целенаправленное повышение собственной культурной и образовательной привлекательности за счет обновления содержания образовательных программ, расширения стипендиальных возможностей и акцента на практико-ориентированных форматах подготовки кадров. Во-вторых, необходимы институциональные инновации в сфере сотрудничества, включая создание совместных научно-образовательных консорциумов, внедрение сетевых форм взаимодействия между университетами и более активное использование потенциала цифровых образовательных платформ. В-третьих, ключевым условием успеха становится усиление стратегической коммуникации, нацеленной на разъяснение ценностных основ российского подхода к гуманитарному сотрудничеству, а также формирование общего нарратива, способного консолидировать элиты и общественность стран региона вокруг идеи взаимовыгодного партнерства. Лишь сочетая эти направления в рамках последовательной и адаптивной политики, Россия имеет возможность не только сохранить, но и укрепить свои лидирующие позиции в центральноазиатском регионе, который переживает глубокую трансформацию под воздействием геополитической многополярности и растущей конкуренции внешних игроков за влияние в гуманитарной сфере.

Литература

1. Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika (дата обращения: 16.09.2026).
2. Омурова Ж. О., Лысенко Ю. А., Кылычев А. М. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Китая в Кыргызстане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 226–239.
3. Simonov M. The Belt and Road Initiative and Partnership for Global Infrastructure and Investment: Comparison and current status // Asia and the Global Economy. 2025. Vol. 5, Issue 1. Article 100106. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.aglobe.2025.100106.
4. Габриелян Г. Р. Влияние политики «мягкой силы» на укрепление роли КНР в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 1. С. 63–69.
5. Цюй Ч. Институт Конфуция в Санкт-Петербурге как инструмент «мягкой силы» в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 134–148.
6. Liu Cheng. A Review of Overseas Research on Confucius Institutes to Inform Future Development // Intercultural Communication Studies. 2011. Vol. XX, No. 1. P. 193–207. URL: https://media.sciltp.com/articles/sciltp/ics/2011/14ChengLiu.pdf (дата обращения: 16.09.2026).
7. Хисамутдинова Н. В., Ян Юе. Институт Конфуция в России как носитель мягкой силы китайской культуры // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 3-1. С. 120–126.
8. Официальный сайт Института Конфуция. URL: https://ci.cn/ciday-news/f6620266-167b-4eb5-bc1d-3e19184c7ee5 (дата обращения: 16.09.2026).
9. Коммюнике шестого пленарного заседания 17-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/10/20/ARTI1319079088234716.shtml (дата обращения: 16.09.2026).
10. Старчак М. В. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать // Фонд «Русский мир». 16.02.2009. URL: https://russkiymir.ru/analytics/tables/news/119895/ (дата обращения: 16.09.2026).
11. Ли Динхуань. Исследование влияния сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии на обучение китайскому языку в регионе Центральной Азии // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 7-2. С. 243–252. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-soobschestva-edinoy-sudby-kitaya-i-tsentralnoy-azii-na-obuchenie-kitayskomu-yazyku-v-regione-tsentralnoy (дата обращения: 16.09.2026).
12. Лю Т., Чжан До. Строительство «мягкой силы» Китая на пространстве Центральной Азии: саммит «Китай — Центральная Азия» как стратегическая опора // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 311–316.
13. Гу Вэй. Стратегическая игра между США и Россией и новые тенденции в ситуации в Центральной Азии // Современный мир. 23.09.2025. Вып. 9. URL: https://iir.sass.org.cn/2025/0923/c444a580971/page.htm (дата обращения: 16.09.2026).
14. Албутова С. Е. Институты Конфуция как механизм реализации «мягкой силы» современного Китая на примере РФ // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6 (75). С. 1103–1108.
15. Abbasova N. Russian expert says West attempts to meddle in South Caucasus via Armenia // Report. 22.07.2024. URL: https://report.az/en/region/russian-expert-says-west-attempts-to-meddle-in-south-caucasus-via-armenia (дата обращения: 16.09.2026).
16. Эпштейн В. А., Акчурина А. В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в странах Центральной Азии // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 21–41.

Confucius Institutes as an Instrument of the PRC's Soft Power in Central Asia

Zhu Yutian, Troitsky E.F.

National Research Tomsk State University

This article examines the activities of Confucius Institutes as a key instrument of China's "soft power" in Central Asia. The study focuses on analyzing the scale and dynamics of the network's expansion in the region, as well as the reaction of the Russian expert and political communities to the strengthening of China's cultural and educational presence. Particular attention is paid to the processes of "derussification" affecting the humanitarian and educational landscape of Central Asia and their link to China's institutional expansion. The analysis demonstrates that this expansion is structural rather than incidental, driven by the PRC's long-term geopolitical and strategic interests. Consequently, the article raises the question of the need for Russia to develop comprehensive measures to maintain its own humanitarian, educational, and cultural presence in the region.

Keywords: Confucius Institute, China, soft power, Central Asia, Russia.

References

1. Naumov A. O. Joseph Nye's "Soft Power" Concept in Foreign Academic Discourse: Interpretation and Critique // Public Administration. E-Journal. 2021. No. 89. P. 122–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika (accessed: 16.09.2026).
2. Omurova Zh. O., Lysenko Yu. A., Kylychev A. M. Confucius Institutes as a "Soft Power" Tool in China's Cultural Diplomacy in Kyrgyzstan // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. 2023. Vol. 28, No. 2. P. 226–239.
3. Simonov M. The Belt and Road Initiative and Partnership for Global Infrastructure and Investment: Comparison and current status // Asia and the Global Economy. 2025. Vol. 5, Issue 1. Article 100106. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.aglobe.2025.100106.

4. Gabrielyan G. R. The Impact of "Soft Power" Policy on Strengthening the PRC's Role in Central Asian States // Post-Soviet Studies. 2021. Vol. 4, No. 1. P. 63–69.
5. Qu Ch. The Confucius Institute in St. Petersburg as a "Soft Power" Tool in the Context of the "Belt and Road" Initiative // Socio-Political Sciences. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 134–148. 6. Liu Cheng. A Review of Overseas Research on Confucius Institutes to Inform Future Development // Intercultural Communication Studies. 2011. Vol. XX, No. 1. P. 193–207. URL: https://media.sciltp.com/articles/sciltp/ics/2011/14ChengLiu.pdf (accessed: 16.09.2026).
7. Khisamutdinova N. V., Yan Yue. The Confucius Institute in Russia as a Vehicle for the Soft Power of Chinese Culture // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12, No. 3-1. P. 120–126.
8. Official website of the Confucius Institute. URL: https://ci.cn/ciday-news/f6620266-167b-4eb5-bc1d-3e19184c7ee5 (accessed: 16.09.2026).
9. Communiqué of the Sixth Plenary Session of the 17th Central Committee of the Communist Party of China. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/10/20/ARTI1319079088234716.shtml (accessed: 16.09.2026).
10. Starchak M. V. Russian-language education as a factor of Russian influence in Central Asia: what is happening and what needs to be done // Russkiy Mir Foundation. 16.02.2009. URL: https://russkiymir.ru/analytics/tables/news/119895/ (accessed: 16.09.2026).
11. Li Dinghuan. A Study on the Impact of the China-Central Asia Community with a Shared Future on Chinese Language Education in the Central Asian Region // Education Management: Theory and Practice. 2025. No. 7-2. Pp. 243–252. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-soobschestva-edinoy-sudby-kitaya-i-tsentralnoy-azii-na-obuchenie-kitayskomu-yazyku-v-regione-tsentralnoy (accessed: 16.09.2026).
12. Liu T., Zhang D. Building China's "Soft Power" in Central Asia: The China-Central Asia Summit as a Strategic Pillar // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 9. Pp. 311–316.
13. Gu Wei. The Strategic Game Between the USA and Russia and New Trends in the Situation in Central Asia // Modern World. 23.09.2025. Issue 9. URL: https://iir.sass.org.cn/2025/0923/c444a580971/page.htm (accessed: 16.09.2026).
14. Albutova S. E. Confucius Institutes as a Mechanism for Implementing Modern China's "Soft Power": The Case of the Russian Federation // Bulletin of Science. 2024. Vol. 1, No. 6 (75). Pp. 1103–1108.
15. Abbasova N. Russian expert says West attempts to meddle in South Caucasus via Armenia // Report. 22.07.2024. URL: https://report.az/en/region/russian-expert-says-west-attempts-to-meddle-in-south-caucasus-via-armenia (accessed: 16.09.2026).
16. Epshtein V. A., Akchurina A. V. Cultural Diplomacy as a "Soft Power" Instrument in the Russian Federation's Foreign Policy towards Central Asian Countries // World of Russian-Speaking Countries. 2023. No. 3 (17). P. 21–41.